

Воспоминание о ВОВ.

Николай Захаров

воспоминания моего прадеда Карачева Павла Степановича, подвиге которого во время Великой Отечественной войны. Вот что пр

Военные будни 1

Наша победа!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Захаров
Анна Ермолаева
Военные будни, часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43205275

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта книга о военной, повседневной жизни солдатской, периода ВОВ. 1941-1945. Им – солдатам – она посвящается. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	16
Глава 2	40
Глава 3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Предисловие

Что есть Век человеческий? Жизнь отдельно взятого Человека? Сюжет для одноименного романа? Антон Павлович Чехов – великий русский прозаик, одной фразой комплементарной, уже ответил на эти вопросы, или в эту фразу нужно вложить вопросительную интонацию? Антон Павлович все свое творчество и посвятил этим сюжетам. Были среди них и масштабные и совершенно микроскопические. В этом разница между людьми? У одних жизнь – Роман, у других – Романище, а у кого-то так себе – романчик... Никому не интересный, даже на анекдот коротенький не тянущий? Сюжеты сведенные к анекдотам-фельетонам – "Хамелеон", "Злоумышленник" и т.д. Люди – сюжеты. Весь Мир театр... Трудно оспаривать. А ведь от сотворения Мира на Земле прожило свою жизнь /отдельно взятую/ несколько миллиардов человек. Человечество, увеличиваясь численно, последние десять тысяч лет, если встанет в день Страшного Суда из своих могил, способно заполнить существующие материки, встав плотно плечом к плечу. Земля – огромное кладбище и нет на ней такого метра квадратного, на который не только не ступала бы нога человеческая, но на котором /хорошенько исследовав/ не обнаружишь присутствие материальное кого-либо из живших, когда-то на ней людей. Обязательно обнаружено будет, даже в Антарктиде, под километ-

ровыми слоями льда. Которым, якобы, миллионы лет. Пишу "якобы", потому что – это утверждение ученых нынешних, не более чем ГИПОТЕЗА. В чем они, ничтоже сумняшеся, признаются. Одни из них /высоколобых/, утверждают, что сотни тысяч лет этим льдам, другие не жалеют миллионы. Как и Земле, и Вселенной. Тут разброс от сотен миллионов, до сотен миллиардов. Бог с ними, с учеными высоколобыми... Они тоже всего лишь СЮЖЕТЫ в одноименных романах, романищах и ... анекдотах. О них-то наверняка останется множество свидетельств их жизненного пути. Публичные люди и в наш Век информационных технологий, в котором и не столь публичные люди умудряются наследить, эти-то наверняка свой след оставят и не только дефисом между двумя датами на могильных плитах. А от десятков миллиардов не останется даже этих дат. Канут в Лету? Или все же есть та самая "КНИГА ЖИЗНИ", в которую мы все ЛЮДИ жившие, живущие и обреченные на Земле прожить в будущем времени, ВНОСЯТСЯ своевременно? Если это так, то нет никакого смысла в исторических изысканиях, археологических раскопках и спорах все тех же высоколобых с академическими бородами, называющих себя гордо ИСТОРИКАМИ. "Суэта сует". Как сказал в свое время библейский Екклесиаст – Проповедник. Каждый Человек наполняет свою жизнь содержанием в меру сил и сообразительности, данных ему от рождения Создателем. Из праха в прах он возвращается и всё суэта во все дни жизни его. Мудр Екклесиаст – "Ниче-

го нет нового под Солнцем..." утверждает он и бесспорно что "...во многой мудрости много печали; и кто умножает познание, умножает скорбь". Мудр Екклесиаст и свой след в истории оставил несомненно. И в КНИГЕ ЖИЗНИ наверняка у него немало страниц замечательных имеется... А вот как быть с остальными? Обыкновенными, не Екклесиастами? Не Соломонами, Мономахами и Петрами-1-ми? Рожденными тоже не Клеопатрами или Софьями Ковалевскими на худой конец? И как быть с заявлением Гёте, что каждый Человек – это Вселенная? Миллиарды "Вселенных" канули в Лету или в "Книгу Жизни". Все? Обидно как-то. Поэтому хочется верить в Жизнь Вечную – потустороннюю. В Жизнь, после земной Смерти. Тогда и Книга Жизни не нужна – каждый сам себе эта Книга. Или нужна, как материальная память о коротенькой, земной?

Но проблема людей среднестатистических в том, что они проживая свою Жизнь индивидуальную на Земле, совершенно, в большинстве своем, не задумываются об этом. Живут, как животные. Инстинктами. Называя их СТРАСТЯМИ. Страстные люди – двумя словами. Люди ли? А бывают ли бесстрастные? Может страсти эти следует изжить в течение земной жизни, пройдя через них, поняв и вздохнув в итоге, – "Суета", покинуть эту земную юдоль, чтобы опыт приобретенный использовать в Жизни Вечной? А как быть с младенцами умершими? И с теми кто умер в возрасте не самом преклонном? У них-то, что за опыт? Древние мудре-

цы по этому поводу изрекли. - "Кого любят боги, те умирают молодыми". С точки зрения наработки жизненного опыта – это утверждение полная бессмыслица. Или боги любят и потому избавляют человека, возлюбленного ими, от мучений этих страстных? Так следует понимать? И этот "возлюбленный" без опыта жизненного, по быстрому отмучившись на Земле, влетает в Жизнь вечную без поклажи греховной за спиной. Без тех самых "скелетов в шкафу". И кому он там / В Жизни этой Вечной/ интересен? Впрочем ИНТЕРЕС, т.е Любопытство досужее, тоже Страсть и следовательно его там нет. Жизнь Вечная, как ее многие, пытавшиеся осмыслить, представляют, что сие значит и какова она – есть нечто очень продолжительное и лишенное каких либо приключений. Там не женятся и не делят имущество, не лгут, не крадут, не убивают и не покушаются на чужое. Впрочем, и разделения на "мое" и "чужое", там тоже нет. Коммунизм там в этом смысле. Секса там тоже нет, и количество увеличивается исключительно за счет умирающих на Земле бременной. Конечно же, представление такое, очень и очень поверхностное, как всякое представление о чем-то неисследованном. А возвратившихся из этой Жизни, свидетелей несомненных... Увы, нет. Или есть? Мне встречаться с таковыми не приходилось и посему, кроме фантазий на эту тему явных, слышать ничего более не доводилось. Жизнь Вечная – событийна ли она? Что за Жизнь без событий? Это и не Жизнь никакая – это забвение. Чем наполняется Жизнь? Содержанием. А Содер-

жание – это и есть события. Остановимся на том в этих поисках смысла Вечной Жизни, что События там иного порядка нежели на Земле и все, что мы только можем себе представить в этой земной, ТАМ в Вечной места не имеют, поскольку мелочны в сравнении с ними. Как Небо и Земля. Разные смысловые ориентиры, мотивировки и событийность соответственно есть, но иная. Земному человеку непонятная, пока он не шагнул в Жизнь эту Вечную. Здесь Умирает, там Рождается в Жизнь бесконечную. Или не бесконечную? Там разъяснят разницу между двумя этими понятиями? Или понимание дается в режиме автоматическом, как и ЗНАНИЯ опять же бесконечные? ЗНАНИЯ – вот что имеет смысл существования и событийность для этого Человека вечного. А что еще может прийти в голову? Грандиозное? Да ничего. Кроме того, что получивший ЗНАНИЯ, всегда имеет желание их использовать и применить в жизни. А иначе для чего они и нужны? Знания, ради самого факта этого? Ура – я ЗНАЮЩИЙ. Голая теория без практики мертва, сказал кто-то и я с ним согласен. Родиться в Жизнь Вечную, умерев для этого в земной, чтобы получить доступ к Знаниям сокровенным, сакральным... а затем надуть щеки бесстрастно и петь вечно Аллилуйя Источнику этих Знаний, что может быть глупее такой картинки? Глупее только картинка Рая, в котором пребывающие там особи любят друг друга беспричинно и порхают по нему на крыльях белоснежных, восхваляя непрерывно опять же все тот же Источник, но не полу-

чив пока еще даже и доступа к Знаниям. А только выдержав испытания на экзамене посмертном, называемом мытарствами. Прошел человек их и попав в Рай, получает Любовь ко всем там обретающимся. Получает, как блаженство, которое сумел в себе сохранить в теле земном и не смешав его с прахом телесным. Немногим избранным /кем избранным?/ удастся это. Святые люди. Остальные же /большинство повальное/ попадают в место не столь привлекательное и комфортное как Рай. В Ад попадают. И там /исключительно скрежеща зубами/, пребывают до Страшного Суда, терзаемые теми самыми Страстями, которые изжить в жизни земной не удосужились. Скрежещут и ждут Суда. На Суде почему-то одни прощены будут и уйдут в Царствие Небесное, автономной территорией которого и являлся до этого Суда Рай, а остальные будут низвергнуты в "геенну огненную" по сравнению с которой Ад – место вполне ничего себе. Комфортное вполне, если обратно выдернуть осужденного из этой "геенны". Скрежетать наверняка перестанет зубами, подумав, что в Рай попал. Все в сравнении, как и на Земле? Все это – мысли вслух и не более того. И возможно, что не самые умные. "Книга Жизни" – это круто. Царствие Небесное – еще круче. И все же отчего появляются время от времени такие люди, как Антон Павлович Чехов и лезут в чужие "сюжеты", делая их достоянием гласности? И ладно бы, если бы при этом они придерживались достоверности. К сожалению, литературно обработанный сюжет становится настолько да-

лек от оригинала, что потомки и исследователи творчества этих писателей, долго и занудно пытаются найти прототипов. А вот эти исследователи и вовсе вызывают лично у меня полное недоумение. Сами не имеющие способностей литературных, они посвящают свою жизнь для изучения способностей чужих. Жизни свои тратят на это. И находят массу материалов неопубликованных великими писателями. Черновики, письма, долговые расписки и прочее, и прочее, и прочее. Трясут этими бумагами на весь "просвещенный мир" и пишут, пишут, пишут. Если все ими написанное выложить на чашу весов о том же Толстом Льве Николаевиче, то все его собрания сочинений составят не более одной сотой от этой массы. Кормятся. А вот потомки великих прозаиков и поэтов, сбежав из России в начале прошлого века и не удосужившиеся изучить язык своего великого предка, заявляются на бывшую Родину и надувают щеки от гордости за него... Пушкины, Толстые, Тургеневы. Отчего-то жаль их, бродящих толпами в качестве экскурсантов по Ясной поляне. Вот это сюжеты. Жалкие. Ну, тут уж что поделаешь, не зря в народе подмечено, что Природа на потомках отдыхает. Отдыхает несколько поколений на потомках Пушкина и Лермонтова, ничего кроме фамилии громкой не сохранивших. Очень обидел всех своих потомков Лев Николаевич Толстой – завещанием своим, в котором распорядился отказаться от гонораров за издание его произведений, где бы-то ни было в будущем. Может быть, поэтому они все теперь исключи-

тельно на Западе скучковались и не бельмеса не понимают на языке осин? Обиделись, за то что лишил их ХАЛЯВЫ? Обидно, если учесть какими тиражами выпускались по всему миру романы Льва Николаевича. Потомство Александра Сергеевича Пушкина оказалось не менее обиженным. Один из них, черный как головешка /что несомненно должно нам говорить о самом ближайшем родстве/, заявился из Африки и высказал претензии на посмертное наследство великого поэта. Надо полагать в виде казначейских билетов желая получить компенсации. Журналисты сумели взять у этого "персонажа" интервью рядом с памятником предка и даже спросили, не возражает ли против того, что ЭТО /памятник/ здесь стоит. Потомок не возражал и на этом его анекдот-роман в России закончился. Смешно? Живет же это чудо чернокожее для чего-то и тоже в Книге Жизни отмечен. И все же оставим в покое потомков различных "великих" людей и самих этих "великих" тоже оставим в покое, хотя бы потому, что о них и так написано много и добавлять еще одно "лыко в строку" – задача достаточно непростая и неблагодарная. Потому что уже устоявшиеся стереотипы либо заставят повторять сказанное в превосходных степенях, либо клеймить в степенях уничижительных. Стоит уклониться от общепринятых оценок, как тут же набегут толпы поклонников, либо противников и порвут в клочья или на сувениры. Открытие новых "Вселенных" – вот занятие достойное и поле там непаханное. Целина. И именно поэтому я взял судьбу чело-

века самого обыкновенного, среднестатистического и ничем особенным из сотен тысяч своих современников не выделяющегося. Ничем, кроме одного... Удивительной везучестью в жизни обыденной и умудрившегося прожить девять десятилетий не потеряв рук, ног, а главное головы. Прошедшего войну Отечественную от первого дня до последнего, получившего несколько ранений в самом ее конце. Ровесник века, он прожил свою жизнь ничего сверх невозможного не совершив, оказываясь в тех местах где рядом с ним гибли тысячи. А он выживал и при этом не подличая и не предавая ни кого. Жил по совести и обладая прекрасной памятью, фиксировал происходящее вокруг него ежедневно все эти годы. Родом из деревни, он сумел сохранить эту сермяжность свою и пронес ее через всю свою жизнь, высоко никогда не поднимаясь ни в каких структурах. Человек жил, приспособляясь к меняющимся реалиям и сохраняя при этом широту русской души, удаль русскую, терпимость и трудолюбие. И врожденное чувство юмора, позволявшее ему выживать в ситуациях самых неблагоприятных и отвратительных. Сохраняя при этом человеческое достоинство. Везунчик? Нет. Просто он жил по простому принципу – На Бога надейся и сам не плошай. И принимая все вокруг происходящее, как Промысел Высший, жил в меру сил в нем. Жил и выживал. О таких, как он, не писали в газетах и о таких, не снимали фильмы. Потому что ни в ВЛКСМ, ни в КПСС он никогда не состоял и подвигов не совершал. Не закрывал грудью ам-

бразуры, но имел при этом один маленький недостаток, особенно в годы молодые – вспыльчивый характер и язык язвительный. Вот эта несдержанность и была, пожалуй, первопричиной того, что на службе в армии выше старшины он не поднялся, а в мирной жизни выше прораба. Для меня он тот самый русский, усредненный человек, со всеми присущими человеку слабостями, грешник смертный. Не плакатно-сиропный, с горящим взором, устремленным в будущее, с кувалдой на могучем, чугунном плече, а живой, обыкновенный человек. Его судьба слилась с миллионами судеб его сверстников и интересен он как их яркий представитель, только потому, что дожил до лет преклонных и имел возможность вспоминать "дела давно минувших лет". И его точка зрения интересна тем ракурсом, что это точка зрения не со стороны, а изнутри событий. Великие полководцы оставили после себя мемуары, а вот те кто мановением их руки шли в атаку и гибли тысячами под кинжальным пулеметным огнем, мемуаров не оставили в большинстве своем. Их мемуаристы "Великие", учли в сухих числах отчетности статистической, разместив в графе – убыль личного состава. О героизме массовом, разумеется, упомянув. И памятники им поставлены – погибшим миллионам. А как, и чем они жили? Если отбросить шелуху пропагандистскую коммунистическую и словоблудие либеральное современное? Первые превозносят народ-герой и самых героических его представителей выставляют напоказ. Вторые норовят все перевернуть и вывернув

историю на свой лад, представить народ-победитель, народом-страдальцем, народом подневольным, который гнали на убой. У первых свои мотивы и цели, как и у вторых. А ИСТИНА, как всегда где-то рядом. Пример лицемерия, как первых, так и вторых – это Пискаревское кладбище в Санкт-Петербурге. Почему? Зайдите на это кладбище мемориальное, пройдитесь по нему, между могилами братскими, огромными на десятки тысяч людей... И что? Сходите на это кладбище в дни скорбные январские... Вы там увидите множество людей, искренне благодарных и скорбящих, а потом выйдите из главных ворот мемориала и пройдя мимо ограды его, пройдите в парк с деревьями и скамьями. Вполне себе такой ухоженный парк и летом в нем прогуливаются мамы с детскими колясками. А теперь вернитесь в мемориал и походите по братским могилам... Кошунственное предложение, не правда ли? Вас тут же возмущенные сограждане пинками сгонят с могил и сдадут в полицию. И правильно сделают. Но я, предложив прогуляться по могилам, конечно же, не для того это сделал, чтобы пощекотать нервы гражданам и полиции, а только потому, что там в парке вы гуляли только что по таким же захоронениям, но закатанным асфальтом и засеянными травой. Со слов очевидцев я знаю, что в те блокадные 900 дней сюда свозили умерших со всего города и территории нынешнего мемориала не хватало принять всех. Поэтому хоронили их ВЕЗДЕ. И когда после войны, было принято решение создать мемориал, то его создали на офи-

циальной территории отведенной под кладбище. Остальные территории выровняли бульдозерами, без эксгумации и перезахоронения умерших людей. Поэтому я не посещаю Пискаревское Мемориальное кладбище. С тех пор не посещаю, как узнал, что оно РЕАЛЬНОЕ, втрое больше и весь участок от ул Верности до проспекта Непокоренных следует отвести под него. ЗАКРЫВ НЕМЕДЛЕННО ЭТУ ТЕРРИТОРИЮ И ПРОВЕДЯ НЕОБХОДИМОЕ КОЛИЧЕСТВО ЭКСГУМАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ!!! Может быть, именно поэтому КВАДРАТ ЭТОТ все же не застраивался до сих пор. Там нельзя вообще ковыряться, скажем, для того, чтобы вырыть фундамент под здание. Техника сразу вроеется в десятки тысяч скелетов. Это тайна полишинеля. И все власти ЗНАЛИ И ЗНАЮТ об этом. ЗНАЙТЕ и вы, несущие цветы на братские могилы, что за сотни метров от кладбища уже идете по КОСТЯМ. По тем, которые закатаны под асфальт, и которым НИКТО, НИКОГДА цветы не носит. Возложите в любом месте в радиусе ста метров от ограды и не ошибетесь. Когда-нибудь, у какого-нибудь государственного деятеля возможно и достанет мужества ОЗВУЧИТЬ вслух, то что я написал. И ПОКАЯТЬСЯ перед погибшими людьми. А пока я не могу участвовать в этом фарсе. Потому что ЗНАЮ ПРАВДУ. Блаженны не знающие... Прав Екклесиаст-Проповедник. Во многих знаниях – многие печали.

Глава 1

Старшина Баранов Алексей Павлович проснулся в это утро рано и совсем не потому, что выспался, а по причине самой банальной, комарье достало. Кто-то из бойцов небрежно зафиксировал пукли на входе в армейскую палатку и эти ушлые насекомые тут же воспользовались всеми образовавшимися щелями, чтобы продырявить шкуру старшины.

– Мать твою, Сафрон, опять ты шлялся, глистоперище, – ткнул он в бок, сопящего рядом рядового Сафронова.

– Ни че не я. Это Черпак мотался всю ночь на ПХД, мать его, – отозвался рядовой, натягивая на голову одеяло и, пробубнил уже из-под него:

– Как че, все Сафронов виноват, будто все остальные и в сортир вовсе не ходют.

– Все ходят, а только ты один никогда не закупориваешь, как следует, чмо болотное. Хоть кол на голове чеши. Ты что тупой? Сколько раз нужно тебе повторять? – не удержался от нотации старшина, успев за это же время прибить на своем лбу и щеке пару самых отчаянных кровососов. – Наглые такие, – проворчал он и поняв, что уснуть теперь не сможет, принялся одеваться.

– Последний день завтра партизаним, – напомнил скорее всего самому себе старшина и произнес-то эту фразу себе под нос едва слышно, почти подумал, а в ответ вдруг полу-

чил сразу несколько реплик.

— Эх, гульнем. Начфин вчера обещался с деньгой при-
быть,— просипел из-под одеяла рядовой Сафронов "глисто-
перище", парень роста баскетбольного и худой будто бы из
голодного края сбежавший.

— Кому чего, а вшивому энто..,— отозвался еще один ря-
довой по фамилии Илюхин и с именем Илья. С отчеством
Илье тоже повезло — совпало с фамилией и "глистоперище"
Сафрон, острый на язык, с первого дня их совместной служ-
бы сразу окрестил его "Итритом", добавляя иногда к прозви-
щу фразу "твою мать" и получалось забавно. Впрочем Илья
оказался мужиком не злобивым и пропускал реплики в свой
адрес мимо ушей, огорчая этим зубоскала записного до ико-
ты. А Итрит только хмыкал иронично и поглядывал на рядо-
вого Сафронова, как на дитя неразумное, впрочем и по воз-
расту в отцы ему годясь.

— Во, во, Ильич, вставь ему клизьму баклану,— подал голос
еще один "партизан", тот самый Черпак, на которого Сафро-
нов попытался свалить наличие комаров в палатке. Черпа-
ком он его вовсе не обозвал. Отнюдь, именно эту фамилию
Яков и носил, так что лишил сослуживца удовольствия что-
то придумывать, имея изначально нечто на кличку похожее.

Яков умел находить общий язык с кем угодно и с первого
дня закорешился с кухонными работниками, сбегав туда, со
всеми перезнакомившись и заявившись в родное отделение,
обрадовал временных сослуживцев:

– Пункт хозяйственного довольствия сдался без сопротивления, нормальную кормежку гарантирую. Все поварешки оказались своими в доску мужиками. Закорешился. С одним сидел, с другим портянки на одном солнце сушили. В общем вась-вась теперь.

– Скажи мне кто твой друг... И фамилие в самый раз,– сделал вывод рядовой Сафронов.

– И че?– завелся с пол-оборота Яков.– Поясни, я не догоняю. Ты что жлоб или зубам во рту тесно?

– Заткнитесь оба,– вынужден был вмешаться в назревающий скандал Алексей Павлович, поняв что эти двое доставят ему немало хлопот в ближайшем будущем. Всего под его начало попало на этих сборах шесть человек /в том числе и бойцы на ПХД, о чем Яков пронырливый еще не знал/и старшина предполагал, что месяц, на который его призвали в этот раз, пролетит быстро и без чрезвычайных происшествий. Тем более что призван был в этот раз непосредственно по своей гражданской специальности прораба-строителя.

На территориях, доставшихся Стране Советов от своего северного соседа после подписания мирного договора, в итоге короткой, но кровавой войнушки, руководство страны решило построить несколько объектов повышающих обороноспособность страны и старшине Баранову Алексею Павловичу повезло попасть на один из них. Строили взлетную полосу аэродрома-подскока. На строительство этого оборонного объекта из соседних деревень было привлечено народу

несчетно вместе с лошадьми и только "грабарей" по списку начфина числилось тысячу человек. Государство в лице наркомата обороны платило хорошо и, объект в течение месяца был сдан в эксплуатацию госкомиссии.

– Тебе, Степаша, как рядовому красноармейцу товарищ Сталин такое денежное довольствие назначил, что гульнешь от души до соплей пузырями,— продолжил тем временем завязавшуюся полемику Яков.

– Можно подумать, что тебе как сержанту шибко больше назначено,— парировал рядовой Сафронов уже вполне бодрым голосом.— На пол литру всяко хватит и ладно. Мы без запросов. А родное предприятие, по возвращению, еще кой че подкинет. Нам монтерам че жалобиться, мы нарасхват нынче.

– Профессию ты, Степка, себе в самый раз выбрал, без лестницы лампы ввинчивать можешь,— подколот его тут же Черпак.

– Завидуешь?— парировал Сафронов ехидно.

– Чему? Росту или профессии?— уточнил Яков.

– Тыж мелкий как клоп, так че и спросил?— съязвил Сафронов.

– Ха-ха-ха,— искренне рассмеялся Яков.— Я нормальный, Степа. Это ты верста коломенская. И чему тут завидовать? Ты же, случись война если, то первый кандидат в покойники.

– Чей-та?— встрепенулся Сафронов.

– А той-та, деревня. Ты же цель вон, какая приметная,

хоть в обороне, хоть в атаке. Тебе по траншее на четвереньках придется ползать, чтобы все, что торчит над бруствером, не отстрелили кукушки и в атаку тоже на четырех мослах скакать следует, чтобы не выделяться,— принялся развивать свою мысль Яков.

— Вон ты про что,— успокоился Сафронов.— Хрен тебе, а не в атаку. Я — войска саперные, а они в атаку не бегают. Их только бомбят сверху, бывает. А оттуда не шибко велика разница между нами. А твой драндулет вокурат цель куда как привлекательнее отдельного меня. Так что чьяб корова мычала, Черпачище,— Степан лишенный удовольствия навесить прозвище на сослуживца, отрывался на его фамилии, склоняя ее так как ему вздумается.

— Сам ты Сафронище,— не остался в долгу Черпак, явно недовольно, чем порадовал соратника по сбором.

— А и нехай Сафронище. Назови хоть горшком, только в печку не суй,— продемонстрировал знание русской народной мудрости Степан.— Шибко ты, Черпачек, нежный, как только до сержантов при этом дослужился. Видать с писарями штабными скорешился. Признавайсь.

— Отвали, Сафрончик. Скорешился — само собой. Не все же козлы. Нормальных людей полно.

Эти двое, сцепившись, способны были в таком духе вести полемику бесконечно и старшина уже по обыкновению прервал ее, рявкнув:

— Кончай трепаться. Яков, у тебя как в баках?

– Полный порядок, Алексей Павлович. Не извольте сомневаться, у Яши все, как положено – по уставу. Куда сегодня поскачем?

– А хрен его знает, – честно признался старшина. – Вроде ни куда не требовалось. Но мотор проверь.

– Есть, проверь, – дисциплинированно поддакнул Яков, старшину зауважавший с первого дня, с той минуты, как выяснил, что ПХД также под его начальственной дланью несет свою полезную для личного состава службу. – Мотор как часы, товарищ старшина. Яша службу несет не за страх, а за совесть.

– Подъем, – взглянул на наручные часы старшина. – Время.

– Тянули тебя за язык, – проворчал рядовой Сафронов недовольно.

– Так и валяйся себе хоть до обеда, – хмыкнул старшина, – Только на глаза не попадайся.

– А завтрак? – вытаращился на него рядовой.

– Яша, пособят, с Ильей – в лучшем виде. Не сомневайся, – заверил его Алексей Павлович.

– Не. Эт я сам как-нибудь, – отказался Сафронов. – Мне еще в блиндажике одном пару точек смонтировать, вокурат до обеда управлюсь.

День начинался как обычно с разговоров и отличался от предыдущих только тем, что на объекте было безлюдно. Отмобилизованные рабочие из окрестных населенных пунктов должны были появиться в эту последнюю субботу дембель-

скую только во второй половине дня за расчетом.

Начфин – майор Садохин еще накануне отправился в часть за деньгами с двумя бойцами срочниками при автоматах и народ, оповещенный об этом, провожал их внимательными взглядами:

– Деньжищ-то поди мешками привезут?– поделился кто-то своим предположением и все понимающе закивали:

– Надо думать. Народу собрали тута тьму. Вона сколь наворочали,– и действительно работ было выполнено огромное количество. Взлетная полоса, появилась в лесу с такой скоростью, что многие, из здесь работавших, посматривали в ее сторону с некоторым недоумением:– "Неужто это мы тут такое сотворили и так скорехонько"?– читалось во взглядах. И это только видимая часть работ. А ведь половина невидима и что там копали солдатики в основном, и чего там наворотили, одному Господу Богу ведомо.

Впрочем, ничего особенного и не наворотили. Кроме Господа об этом знало еще масса народу и старшина Баранов в том числе. Десяток замаскированных домиков-казарм для потенциального личного состава и пары блиндажей. Ничем особенным эти строения оснащены не были. Все по минимуму. Связь, освещение от дизелька. Дизелек уже стоял и даже прошел испытания на пригодность. Функционировал, к радости командования, а вот связь пока отсутствовала и ее еще предстояло кому-то откуда-то и куда-то тянуть. Но домик для телефонистов-связистов имелся, как положено, и

оборудование присутствовало в полном объеме, так же, как и положено, заактированное. Старшине оставалось совершить сущую мелочь – передать все это имущество своему потенциальному преемнику – старшине срочнику. Документы он уже подготовил и готов был отчитаться немедленно. Но преемника командование пока не присылало и, старшина по этому поводу переживал. В понедельник заканчивался месяц, на который его призвали и переслуживать лишние дни, по чьей-то милости, ему не хотелось.

Завтрак и время до общего построения прошли без каких либо происшествий и старшина, получив указание от вышестоящего начальника / старлея Свиридова/, отправился с сержантом Черпаком в часть, к которой они были временно приписаны, в Выборг. Начальству срочно потребовалось произвести запас продовольственного довольствия в виде сухих пайков общеармейского образца. И до обеда старшина занимался их получением, оформлением сопутствующей документации, погрузкой и доставкой на объект. Таким образом время было убито почти до вечера и по этой причине сержант Черпак, пребывая в самом скверном расположении духа, брюзжал всю обратную дорогу, матеря сквозь зубы всё и вся:

– Вот гниды чмошные, без обеда оставили. Извините, товарищ старшина, но я бы на вашем месте крыс этих складских по стенам размазал. Суки тыловые, – сержант со скрежетом переключил скорость и, сплюнув в окно, посетовал, –

сцепление полное гавно, извините, товарищ старшина, по этим дорогам не на полуторке, а только на танке в самый раз. Сцепление дерьмо, дороги тоже, что мы за народ?

– Это ты меня спрашиваешь или свои кишки?– переспросил его старшина, закуривая беломорину.

– Кишки вон урчат, им гадам хавку подавай, товарищ старшина. Хрена чего слышат. Это я так, к слову пришлось. В том смысле, что все у нас через задницу. Бардак кругом. Ни тебе пожрать вовремя, ни тебе дорог нормальных, ни тебе запчастей своевременных. Херня голимая, а вроде как мы самые передовые в мире и все такое,— пробрюзжал в ответ Черпак и вдруг повернув лицо к старшине, предложил:

– А может сухпай один раздербаним? Кто их там считать станет кроме вас?

– Закати губу,— коротко осадил его старшина.

– А что? Полон кузов набили, рессоры в обратную сторону выгнулись. Все одно не нам его жевать. Одним меньше, одним больше,— продолжил Черпак, добавив в голос интонации такие вкрадчивые, что старшина не удержался и хмыкнул:

– Ты меня ровно девку на сеновале уламываешь. Через полчаса в расположении будем и набьешь ты свои кишки двойной нормой за весь день, я распоряжусь. А сухпай из банок холодный жевать с галетами, извини, что-то мне не особенно хочется. Я у этих чмошников пару упаковок лишних прихватил и коль ты такой любитель консервов этих, выдам

к ужину пару банок. Так что рули давай и смени пластинку, без тебя тошно. Хреново ему видишь ли. Страна у нас самая большая и богатая, только народ занудный ее населяет, вот хоть тебя если послушать, то все сразу понятно.

– Пару банок? Вот спасибо,— пропустил мимо ушей критические замечания в свой адрес Черпак и сразу повеселев, принялся насвистывать что-то жизнерадостное. Старшина напрягся, пытаясь угадать мелодию и не сумев, спросил:

– Что-то смутно знакомое. Это что?

– Это, товарищ старшина, "Нам песня строить и жрать помогает",— прекратив насвистывать, пояснил Черпак, расплывшись в дурашливой улыбке.

– Жрать помогает?— переспросил старшина.— У меня со слухом этим музыкальным так себе, а на твоих ушах, вижу, вообще медведь потоптался. Прекрати уродовать мелодию, не доводи до греха. Я, когда осерчавший, то вместо банок, могу пару нарядов на кухню выдать. Имей это в виду.

– Молчу как карась на сковородке,— признал свою вину сержант, хлопнув себя ладонью по губам. Полуторка скрежетнула коробкой скоростей и прибавила скорости.

К взлетному полю выехали, как и рассчитал старшина Баранов, через пол часа и Черпак, подогнав авто к укрытому в лесу складскому помещению, заглушил двигатель, сдав задом и тормознув в метре от входных дверей, чуть не сбив при этом караульного. А на возмущенные реплики последнего, только сплюнул сквозь зубы, язвительно заметив:

– Не хрен дремать на боевом посту, салага.

– Че несешь?– заорал тот возмущенно в ответ.– Я не спал. Я стою, как в уставе указано. Чуть по стенке не размазал гад и еще хрен знает че несет. Товарищ старшина, разрешите ему промеж глаз врезать прикладом, чеб не вонял тут?– обратился он к старшему по званию.

– Отставить,– пресек его благие порывы старшина и хмуро взглянув сначала на одного, а затем на другого красноармейца, распорядился:

– Черпак, на кухню пайку жрать, а тебе бдить, как положено по уставу. Разгружать сегодня поздно уже. Завтра займемся. Так что гляди у меня. Сухпай чтобы в целости весь остался. Сам считать буду.

– Дак...– расплылся в улыбке караульный, поправляя на плечо ремень винтовки Мосина.

– Вот те и дак,– передразнил его Черпак, вытаскивая из кузова две упаковки сухпая.

– Держи, чтобы слюной не давиться,– вручил одну старшина караульному,– это сверх нормы. Но гляди у меня, чтобы остальное все как надо и на посту чтобы никаких поделок с перекусами.

– Спасибо, товарищ старшина. Не подведу,– щелкнул кабелями караульный и так шустро прибрал картонную упаковку из его рук, что даже рядовой Черпак расплылся в улыбке:

– Вот что значит халява,– прокомментировал он.

– Сам ты..,— огрызнулся караульный, но тот не стал его слушать и захлопнув дверь полуторки, ушел по направлению к кухне, что-то насвистывая едва слышно.

– Опять "Нам песня строить и жрать помогает",— проворчал старшина, проверяя целостность пластилиновой пломбы на замке в складскую землянку.— Смена когда?— спросил он караульного.

– Час еще,— вздохнул тот с сожалением.— Эх, служба.

– Через день на ремень? Нормальная служба. Сколько уже оттрубил?

– Год уже, товарищ старшина,— опять вздохнул караульный.— Дак я че, я не жалуюсь. Просто дома завсегда лучше.

– А ты откуда такой конопатый? Звать как?— присмотрелся к его лицу старшина.

– Сибиряк, однако. Рядовой Иванов Алексей,— гордо выкатил грудь караульный.— Из Иркутска призван. Рядом с городом проживаем. В трехстах верстах.

– Ни хрена себе рядом. Тезки мы с тобой,— старшина хлопнул себя по щеке, убив первого комара и проворчал: — У вас как там в Сибири с кровососами этими?

– Нормально. Здешние, против наших мелочь. Наши вот такенные... Вона, как мухи ваши,— расплылся в улыбке караульный.

– Да иди ты,..— усомнился старшина.

– Вот те крест,— побожился караульный.— Злющие, как волки. У нас раньше, ну при царском режиме, даже казнь

такая была над злодеями – нагишом к дереву привязывали и никто до утра не выживал.

– Эко удивил, – хмыкнул старшина. – Наши тоже до смерти заедят за ночь-то.

– У нас не только комар, у нас еще гнус. А у вас такой напасти я пока не видел. Вот уж бич Божий. Сволочь мелкая, мерзкая и похуже комарья будет. Налетит и залепил напрочь глаза, уши. Дышать невозможно, – сверкнул глазами караульный недовольно, явно переживая за имидж родных сибирских просторов, в плане кошмарности.

– И как вы там живете тогда? – посочувствовал ему невольно старшина.

– Сетки на мордах приходится летом носить. Зато зимой благодать. А зима у нас... – караульный мечтательно закатил глаза. – Не то, что здесь, слякоть одна.

– Ну да. Тут ты прав – слякоть, но хрень всякая тоже не летает, – согласился с ним старшина. – Ну, пошел я. Бди, тезка. Спокойной службы.

– И вам не хворать, – откликнулся караульный, проводив его метров десять до взлетного поля. – Хороший мужик, – пробормотал он себе под нос, когда фигура старшины растаяла в сумраке белой ночи.

Начальник финчасти майор Садохин задерживался и отобилизованная рабочая сила, прибывшая на аэродром за окончательным расчетом, прождав его до 23-х часов, махнув рукой, заметно уменьшилась количественно. Большинство

решило явиться за расчетом в понедельник. Самые упорные, в количестве пары десятков, собрались у штабного домика и травили байки, разбившись на компактные компании человек по десять вокруг двух костерков. Старшину встретили как старого доброго знакомого, уважительно величая по имени отчеству:

– Алексей Палыч, как там оно... в смысле денежного довольствия?– услышал он тут же главный вопрос, на который и сам ответа пока не знал, в чем искренне и признался мужикам. Многих из них он знал по именам. Месяц на сборах этих дался ему не легко и показался годом по своей напряженности и загруженности.

– Авдеич, ты нашел у кого спросить. Я что здесь кассиром служу?– пожал он протянутую руку одного из десятников-бригадиров, мужика бородатого и медведеобразного по телосложению.

– Ну, мало ли...промеж начальства трешься, слышал может че...– прогудел тот виновато.– Нонче хоть заявится майор этот, аль зря тут комарье кормим?

– А хрен его знает,– честно поделился старшина самой последней информацией по интересующей Авдеича теме.– Сами ждем. У нас сегодня последний день служебный. Тоже жалование выдать должны. А в штабе чего писарь говорит?

– Не знает ничего. Сидит писаришка штабной, чай хлебает. Сопля соплей, а гонору как у енерала мать его,– проворчал Авдеич, присаживаясь опять к костерку и отмахиваясь

от комаров.

— Может и станет ефрейтор им лет через пятьдесят,— рас- смеялся старшина.

— Этот глист? Не, этот не доживет. Этот или в бане вени- ком запарится, или толстым хреном подавится,— буркнул ему вслед Авдеич под одобрителный хохоток коллег-грабарей.

Писарь действительно пил чай из стакана и листал при этом журнал "Огонек" затрепанный до дыр, явно годовой дав- ности. На старшину он взглянул искоса, поморщившись и даже не удосужившись оторвать свой зад от табурета.

— Что слышно?— решил не придирается к ефрейтору стар- шина.

— Обещались до полуночи быть,— кивнул ефрейтор стри- женной головой в сторону полевого телефона.

— Связь никак появилась?— удивился старшина.

— С утра и есть,— кивнул опять ефрейтор.— Чаю хотите? Без сахара, правда,— предложил он старшине вдруг, удивив его этим, пожалуй, никак не меньше чем наличием телефон- ной связи.

— И заварка кирпичная?— не удержался и съязвил все же старшина.

— Заварка обыкновенная,— фыркнул ефрейтор, приподняв стакан в подстаканнике и взглянув на него, прищурясь,— гру- зинская. Наше дело предложить.

— А в сухомятку чего же им давишься?— сменил тон язви- тельный на вполне дружелюбный старшина, подумав:— "Не

трож дерьмо, вонять не будет, а от глисты этой еще польза может быть". При этом он выложил на стол перед носом писаря пачку галет и тот расплылся в масляной, дежурной улыбке:

– Вот спасибо, Алексей Павлович, кормилец,— тут же вспомнил он имя отчество старшины и доверительно шепнул:— Что-то в штабе нынче суетно. Я поговорил с дружками. На ушах там все. То ли опять с финиками чего затевается, то ли проверка из Москвы, то ли еще чего-то в таком разрезе, но все бегом бегают. Полкан рвет и мечет, увольнения никому не разрешил давать и офицеры все в казармах.

– Константинович приедет, узнаем чего и как. Обычное дело. Полкач и так вечно как наскипидаренный без этих разрезов,— не оценил явно степень конфиденциальности старшина, и писарь зашипел буквально гусакom, почему-то озираясь по сторонам, очевидно для пущей убедительности:

– У меня земляк в строевой части служит и сам слышал, как полкан начштабу зудел, что этой ночью чего-то такое может стрястись. То ли война, то ли проверка боеготовности из Москвы. Хорошо – ежели война. Не дай Бог, понаедут опять и трясти начнут. Полетят кубари вместе с петлицами как в прошлый раз.

– Тебе-то чего?– усмехнулся старшина.— Ну, полетят и что?

– Демобелизуюсь я по осени и на курсы комвзводов хотел рапорт написать, а тут такое... Начальство опять сменится и

хрен чего подпишут,— пригорюнился ефрейтор.

— В армии остаться хочешь?— опять удивился старшина, окинув взглядом невзрачную фигурку писаря.

— А че? В самый раз по мне жизнь. На всем готовом,— взглянул на него с вызовом писарь.

— Да оставайся, коль приспичило,— отмахнулся от него старшина и обрадовался, увидев в окно подъехавшего с охраной майора: — Константинович прибыл,— сообщил он новость писарю и тот засуетился, одной рукой застегивая пуговицу на вороте гимнастерки, а другой, смахивая со стола журналом крошки галетные и убирая с него все в тумбочку, стоящую рядом. Успел. И даже подбежать к дверям входным, чтобы встретить начальство, распахнув ее на всю ширину.

— Шустрый, как веник,— отвесил ему комплимент в спину старшина, а писарь уже докладывал радостно прибывшему начальству:

— Товарищ майор, за время вашего отсутствия никаких происшествий не случилось.

— Вольно,— просипел тот в ответ, пропуская вперед бойцов с мешками.— Сгружайте в угол вон тот,— распорядился он и повернувшись к ефрейтору, спросил:

— Ведомости готовы?

— Так точно,— гаркнул тот все так же радостно.

— Сообщи мужикам, что хоть и не положено, но выдадим им их деньги, коль терпеливые такие.

— А может с утра все же?— попытался уклониться от сво-

их прямых обязанностей писарь, но майор взглянул на него так мрачно, что тот сразу сник и выскочил за дверь. Там он что-то скороговоркой сообщил мужикам и они радостно загалдели в ответ. А майор тем временем, пожав руку старшине и выпроводив бойцов, принялся перекладывать денежные брикеты в несгораемый ящик, гремя связкой ключей торчащей из замочной скважины.

— Без малого двести тыщ,— сообщил он старшине.— Видал столько сразу?

— Приходилось и больше видеть,— кивнул тот в ответ.

— И где это?— заинтересовался майор.

— На строительстве Боломорканала,— усмехнулся старшина.

— А, ну да. Читал твое личное дело. Сколько ты там мотал?— вспомнил майор.

— Два года от звонка до звонка.

— Так там что, еще и зарплату начисляли?— взглянул на старшину изумленно начфин.

— Начисляли, как положено, и тоже мешками возили. Народу-то там куда как поболее чем здесь ковырялось. Разов в десять. Заработки, конечно, поменьше тоже раз в десять, но миллионы все одно копейка к копейке получались,— вспомнил старшина.

— И за что тебя туда на перековку законопатели?— хмыкнул майор, подмигнув старшине свойски.

— А, за мелочь сухую... — двинул на лево пару кубов до-

сок, а кто-то стуканул... Домой с работы прийти не успел, уже появились органы родные. Ну и...

— Понятно,— посочувствовал ему майор,— Бывает. Последний день у тебя сегодня,— напомнил он тут же многозначительно.

— А я что? Я за,— улыбнулся ему в ответ так же многозначительно старшина, ловя брошенный ключ.

— В багажнике сидор. Только не греми стеклом, я тебя умоляю,— буквально прошептал майор.— Ефрейтор... та еще сука, стучит как дятел. Имей это в виду.

— Может по мордам ему настучать на прощанье?— предложил старшина простецки.

— Эх, с пониманием ты, Павлович,— улыбнулся ему в ответ майор и вызверился на вернувшегося писаря:— Где ты там шляешься, мать твою? Готовь чернильницу с ручкой и вперед. Да смотри внимательно пересчитывай. В прошлый раз рубля не хватило. Пришлось свой докладывать. В этот раз с тебя сдеру, с недоумка. Шкуру спущу, продам первому желающему и недостачу покрою. Уяснил?

— Так точно,— вытянулся писарь.

— Приступай. Эй, кто там первый? Заходи по одному,— крикнул майор и, прикинув на глаз, выложил на стол несколько пачек госассигнаций разного достоинства.

Разобравшись с работягами в течение часа, в час ночи майор уже шуганул из штабного помещения писаря и теплая компания, в количестве трех человек, засела за импро-

визированный стол. Застеленный газетой "Красная звезда" с немудреной закуской на ней в виде галет, тушенки и конфет "Гусиные лапки", которые майор вывалил прямо на стол кучкой и доверительно при этом сообщил собутыльникам:— Пир горой, можно сказать.

— Это горой?— скривился старлей Свиридов, составивший компанию и очевидно подсчитывающий в уме, на сколько похудело его жалование в итоге.

— А что за пессимизм в голосе, товарищ старший лейтенант?— хлопнул его по плечу налитому, обтянутому офицерским сукном, майор.— Наливай, старшина.

Старшина не стал ждать дополнительной команды и набулькал по сто грамм в граненые стаканы, а старший лейтенант вздохнул и махнул рукой:

— Откуда оптимизм взять, Константинович? Два года сижу лишних в старлеях, а у меня семейство — мал, мала, меньше. Жинка пилит, хоть домой не ходи.

— Сам виноват. Языком мелешь что ни попадя при чужих ушах,— уличил его тут же майор.— Вот и сидишь в старлеях. Язык твой — враг твой. Укороти малость, не то и помрешь старлеем.

— А что такого я сказал кому?— набычился старлей.

— Да хоть вон давеча при писарюге понес по матушке подчиненных, а он гаденыш — дятел ... ты, что не знал про это?

— И что? Все загигают. И вы тоже не исключение, товарищ майор,— не сдавался старлей.

– Я загибаю, да с умом, а ты бездумно все как-то. В ку-чу все, без разбора, валишь. Вот хоть, говорю, давеча я сам слышал, как ты рядового отчитывал. Это же черт знает, что можно извлечь из монолога. Чистая контрреволюция и все такое.— "Родина, мать ее так, в лице товарища Сталина, мать его, о тебе раздолбае заботится и вручила имущество, мать перемать, а ты раздолбай, так перетак..." Это что?— майор укоризненно взглянул на старлея.

– А что мне его раздолбая в задницу поцеловать нужно было?— не понял тот, сверкнув гневно очами.— Так сколько не целуй, все одно на голову нагадят, мать иху.

– Я не про то... — досадливо поморщился майор.— Я про буквальное понимание текста с матюгами. Ты вроде как в папани нашему Отцу народов себя определил. Понимаешь, дурья твоя голова? А писарюга рядом крутился. Вот настро-чит на тебя рапорт, куда следует и тогда не то что капита-на вовремя не получишь, а вполне можешь и вовсе без зва-ний оказаться. Эх, молодой ты еще, Вань. Следи за языком. Мой тебе совет. Не То загремишь, куда Макар телят не го-нял, вспомнишь потом меня старика, да поздно будет,— за-кончил назидательно майор, поднимая стакан.— Ну, за окон-чание строительства и демобилизацию старшины, чтобы ска-тертью дорога домой тебе, Павлович,— собутыльники чокну-лись и дружно опрокинули первые сто граммов. После пер-вых были вторые и третьи, а через час вся троица, уже на-прочь забыв о субординации, слышала только самого себя,

на радость ефрейтору писарюге "греющему уши" под окном штабного блока.

А беседа застольная крутилась как обычно вокруг женщин и международного положения.

– Ефрейтор тут балаболит, что нынче в полку все бегом бегали, будто бы то ли война, то ли проверяющие инспектора из Генштаба должны были пожаловать, ты Константинович, там ничего такого не слышал?– вспомнил старшина о поступившей от писаря информации.

– А-а-а...– махнул пренебрежительно рукой начфин.– Ничего там такого. Увольнительные на завтра отменили для всего личного состава и все. Обычное дело. Комполка рвение проявляет. Назначен-то без году неделя, вот и суетится. Проверки никакой не ожидалось, потому как в начале года уже была, а война... С кем? Финам мы накостиляли, так что лет на сто им хватит вспоминать. А еще кто? "От тайги до британских морей, Красная армия всех сильнее". Забыл? А Британия эта ещё и с Гитлером сцепилась, так что с кем еще?

– Так с Адольфом – к примеру. Вон он под себя почитай всю Европу подмял,– предположил старшина и услышал в ответ дружный смех офицеров. Даже старлей, все еще пребывающий в пессимизме, расхохотался и, опрокинув очередные сто граммов, снисходительно похлопал по плечу сидящего рядом с ним старшину:

– Тебе простительно по малограмотности такую галиматью предполагать. Гитлер, по-твоему, дурак? Ты на карту по-

смотри. Где СССР и где Германия эта. Вермахт их годится только по асфальту подошвами греметь. А если все же предположить гипотетически что нападут немцы, то через пару месяцев мы их Рейхстаг вместе с их фюрером и Берлином на кирпичи разберем. Надо же такое брякнуть. Ну, ты Павлович, сказанул. Ха-ха-ха. При рядовых такое не ляпни. Доложат, куда следует, за распространение панических слухов и правильно сделают. Потому как РККА это тебе не хрен собачий, а собачий и раскатает Вермахт за месяц.

– Ну, за месяц, пожалуй, не раскатает,— усомнился в его словах майор и принялся доказывать с карандашом в руке прямо на газете, что за месяц РККА к Ламаншу никак не успеет и даже за два, как вначале предположил старлей, а вот к ноябрьским праздникам это сто процентов сдадутся немцы тем более что Вермахт измотан в боях, захватывая Европу.

– А танки у них... Ха. По сравнению с нашими – танкетки. Ни одного тяжелого нет на вооружении. И моторесурс выработан процентов на 50-т. А ты наши КВ и Т-34 видел? Я видел, как линию Маннергейма проламывали,— майор успел повоевать в зимней кампании и даже имел за нее орден Красной звезды.— Броня крепка и танки наши быстры, и наши люди мужества полны-ы...— Тут же запел он, заводя сослуживцев и те невольно подключившись, завыли ему в унисон, дружно гремя стаканами по столешнице.

– Так что Гитлер твой, сто раз подумает, прежде чем рыпаться,— подвел итог майор, закончив хоровое пение.

– А че мой-то?– осоловело взглянул на него старшина.— В гробу я его видел в белых тапках этого фюрера.

– Это так к слову. Конечно не твой,— поправился майор.— Наливай, водка выдыхается.

Глава 2

22 Июня ночь самая короткая и солнце ныряет за верхушки лесные на пару часов, так что сумерки наступившие часам к 2-м напомнили компании захмелевшей, что впереди день хоть и воскресный, но с заботами, тем не менее, служебными. Начфин, как старший по званию, инициативу и проявил, заявив заплетающимся языком:

– Эх, братцы, хорошо посидели, но пора и почивать. Сегодня день у меня хлопотный, расчетный. С утра ведь народ понаедет. Расходимся. На посошок наливай, старшина, и с Богом по своим норам,— возражений, разумеется, не последовало и, через пять минут вся компания разошлась, шумно распрощавшись.

Подчиненных своих старшина застал отнюдь не спящими, как предписывает Устав РККА, а бодрствующими у костерка, разведенного ими неподалеку от своей палатки, в низинке. Крохотулька, он больше давал дыму от веток еловых, чем огня и старшина его сразу и не приметив, сунулся в палатку. Однако, не обнаружив в ней дрыхнувшего личного состава, принялся, покрутив головой и, вышел на огонек, едва просматривающийся в ночной, молочной белизне.

– Встать, смирно!— скомандовал старшина, вынырнув внезапно из этого марева и застав личный состав врасплох. Никто из них сидящих вскакивать и не подумал, разумеется, а

уж тем более вытягиваться при этом во фрунт, но дернулись рефлексорно все. И в три голоса тут же все одновременно и высказали, всяк свое мнение, которое на этот раз совпало у всех почти дословно.— Ох, ни хрена себе, командир,— и дружно все заржали от совпадения реплик.

— Падай, Палыч, дембель отметим. Вот на шинельку,— по-двинулся сержант Черпак,— Мы тут по-свойски присели. Закусон, конечно, специфически армейский, но тут уж извиняй. Че от тебя получено, тем и давимся.

— А у меня конфеты гусячьи есть,— полез в карман старшина и высыпал гражданскую закуску в подставленные ладони рядового Сафронова,— Держи, Степан. И пол литру я тоже принес, чтоб без претензий потом ко мне,— старшина выставил пол литровку и присел на предложенную ему шинель, уложенную на ворох веток.— Комарье мать иху..— проворчал он при этом, отмахиваясь от кровососов еловой лапой, отломанной им еще при выходе из штабного домика.

— Наливай, чего рот раскрыли,— скомандовал он и эту команду личный состав выполнил тут же и неукоснительно, забулькав в кружки.

— За демобилизацию!— провозгласил тост дежурный рядовой Илюхин и все дружно опорожнили свои кружки.

— Последний нонешний денечек...— мечтательно произнес рядовой Сафронов,— А послезавтра Ленинград и Надюха со щами и прочими прелестями. Эх, ма!

— Почему послезавтра? Завтра к вечеру уже,— возразил

ему сержант Черпак,— И почему Надюха? У меня не Надюхой звать и щи она кислые варить не умеет. Завалимся с моей Маринкой в ресторацию. У меня кореш удачно пристроился в одном, "Нева" называется. Плавучий. Сидишь за столиком, а мимо всякие судна мелькают и чайки верещат. Красота!

— Ресторация,— передразнил его тут же рядовой Сафронов,— Эх, Черпачина, тебя если послушать и в половину сказанного поверить, то прямо живешь ты как те дворяне до-революционные, недорезанные. Питаешься исключительно в ресторациях и из опер с балетами не вылазишь. Откель средства на все на то берешь? Шоферюга и шоферюга, а туда же рестора-а-а-ция. На какие шиши?

— А тебя и слушать-то запаadlo.— не остался в долгу Черпак.— И ноешь. и ноешь. Вот и хлебай свои щи пустые лаптем. Жить надо уметь. Чтобы я, как ты тут неуважительно выразился, шоферюга и без капусты на кармане был... Ха! Каждому по потребностям — от каждого по труду. Забыл лозунг Социализма главный? Вот я по нему и живу, над копейками не трясусь как некоторые. Палыч, ты глянь на эту рожу пскопскую, крохоборную. Давеча стали расплачиваться за водяру, так он чуть за гривенник не удавился, который сверху за доставку попросили. Удивил весь коллектив жлобством. Ты что, Сафрон, жмот что ли?

— Сам ты жлобьяра, Черпак. Просто не понял я за что доплата, вот и переспросил. Че неясно?

— А ручонки чего затряслись, как с похмелья? Палыч,

представляешь, этот жлоб все свои медяки, с расстройства видать, под ноги высыпал и потом ползал пол часа их собирал в траве. Место хорошо запомнил, где стояли? Вдруг какая-нибудь копейка потерялась. Нужно было флажок там воткнуть и колючкой обмотать в радиусе десяти шагов, чтобы не дай бог кто не влез с утра пораньше и ее не хапнул до тебя.

– Да пошел ты... – обиделся рядовой Сафронов.

– Я и так уже там, только ноги свесил, – развеселился сержант, почувствовав, что нащупал слабое место у соперника в ежедневных подковырках.

– Вот и виси себе, а от меня отвянь, тля, – начал заводиться по настоящему Сафронов, – Вмажу щас промеж глаз по яйцам и хрен тогда тебе, а не Маринка верещающая в ресторациях, – при последних словах рядовой начал приподниматься с намерениями совершенно ясными и старшина понял, что если он сейчас не вмешается, то закончится пьянка дракой, как пить дать. Поэтому вмешался, рывкнув:

– Отставить, мать вашу. Месяц вы мне нервы мотали, оба – два, и обрыдли оба. Что вы собачитесь? Сядь, Сафрон, и наливай. Вон уж солнце скоро выползет. Последний нонешний денечек, говоришь? А я ведь могу его не последним сделать. Напишу рапорт полкану, что, так и так, мол, прошу продлить сборы ещё на месячишко. Вот только вякните кто еще чего друг на дружку... Так и сделаю. Слово даю. Ну-ка, пожали друг другу клешни, хряпнули по сто граммов мировых, и заткнулись на тему рестораций и щей кислых.

– А я че? Я молчу. Это Черпак вечно с подковырками,— присел на свое место Сафронов, протягивая кружку разливающему водку Илюхину.

– Ну, вот что за личность...— не удержался и буркнул в ответ сержант,— Нагадит и тут же отопрется, хоть рожей в дерьмо сунь все равно не мое скажет. Ладно, давай, держи краба, урод. Каб не старшина и его убедительные аргументы, раскатал бы я тебя как бог черепаху.

– Меня рожей в дерьмо?— опять дернулся Сафронов, но старшина так припечатал свою ладонь к его плечу, что он тут же и остыл.

– Пей и заткнись,— поступила команда и рядовой выполнил ее молча. Молча же и руку протянутую сержантскую пожал, очевидно дав себе молча слово, вытерпеть эту несправедливость. Старшину Сафронов уважал и побаивался. Покосившись на него, он подумал,—"Этот может, фиг ли ему еще месяц не отторчать в начальстве-то".

А солнце уже зарумянило небосвод на востоке и природа притихла вдруг, в ожидании его восхода. Даже комары перестали зудеть над головами служивых, будто исчезли вместе с легким ночным ветерком, шевелившим дым над костерком и поднимался он теперь прямо вверх, унося туда же искры от сгорающей хвои.

– Вот уж солнце встает, из-за пашни блеснит,— продекларировал рядовой Илюхин,— Может, вздремнем все же, хлопцы, часик другой до завтрака?—

– Две пол литры еще вона,— отозвался Сафронов,— Иди, Итрит, коль невмоготу, я посижу еще. Наливай, Черпак. Или тоже баиньки хочешь? Нам с Палычем больше останется. Давай.

– Размечтался. Мы если с Илюхой уйдем, так и пол литру одну с собой унесем. Раскатал губищи. Но мы не уйдем. Мы свою д-дозу сперва сха-хаваем, а потом...— язык у Черпака слегка начал заплетаться и мысли тоже,— х-хрен тебе,— водка забулькала из горлышка в кружки и Черпак брякнув своей по протянутому остальным, произнес тост совершенно неуместный здесь у костра:

– За Советскую власть, чтоб крепчала.

– И за товарища Сталина Иосифа Виссарионовича, дай ему Бог здоровья и успехов в труде и личной жизни,— буркнул вдруг Сафронов таким серьезным тоном, что старшина, покосившись на него недоуменно, подумал.— "Придуряется по обыкновению своему или действительно товарища Сталина так любит?"

– И еще за мир во всем мире,— предложил он свой вариант пафосный.

– В общем, чтоб хрен стоял и деньги были,— подвел итог рядовой Илюхин под дружный хохоток всех присутствующих.

Раздавшийся вдруг гул самолетов прервал всеобщее веселье и все непроизвольно взглянули в ту сторону откуда он донесся.

– Что это, старшина? С севера-запада навроде как летят. Да видать много сразу, с десятков не иначе. Не рано ли соколы наши поднялись, да еще в день воскресный? Учения может,— высказал предположение рядовой Илюхин, вставая на ноги и вглядываясь в утреннее небо. Солнце подсвечивало сквозь вершины деревьев и птицы защебетали в нем, приветствуя эти первые лучи, а гул двигателей авиационных нарастал, заполняя собой все диапазоны и наполняя сердца слушателей тревогой. А над аэродромом вдруг взвилась красная ракета и описав кривулину, оставила после себя загогулину дымную, упав где-то в районе взлетной полосы.

– К нам никак. Вон сигналият, чтобы мимо не пролетели,— удивился старшина, разглядев первые пять самолетов показавшихся над лесом идвигающиеся в их сторону. Сказать он больше ничего не успел, так как за первой пятеркой, показалась вторая, а за ней третья и четвертая. А первая уже пикировала и что-то сбрасывала на взлетную полосу. А затем раздались взрывы и над головами у раскрывших рты красноармейцев, на бреющем пронесли первые отбомбившиеся машины, круто уходя на разворот для повторного бомбометания.

– Кресты на фюзеляжах!— заорал совершенно трезвым голосом сержант Черпак, теребя старшину за рукав,— Немцы это.

– Воздух!— заорал тот в ответ,— Вон от костра. Вмажет, мало не покажется,— и первым, подавая пример, кинулся в лес

где и залег за сосной. Личный состав рванул следом и очень своевременно, так как вторая пятерка немцев сыпанула пару десятков бомб на костерок и стоящую поодаль палатку. Взрывы ударили по барабанным перепонкам, вокруг засветили осколки и полетела земля. Засыпая лесок так щедро, что старшина даже удивился невольно количеству. А бомбовозы шли волна за волной и сыпали, сыпали, сыпали на пустую взлетную полосу свой груз, так что взрывы слились в один сплошной вой, сотрясая землю и сметая с деревьев листья. А потом рвануло так, что старшину подбросило рядом с сосной на полметра и он понял, что попали в артсклад и сдетонировали складированные там боеприпасы. Почему-то вспомнился вдруг солдатик из Сибири.

– Если его смена, то вряд ли уцелел часовой,– подумал старшина и услышал.

– Что вы говорите, товарищ старшина?– это рядом прилегший сержант, теребил его за рукав.

– В склад боеприпасов попали сволочи,– рявкнул ему в ухо старшина,– война сержант. С Германией вроде как началась. Ну, Гитлер ну, дурак. А майор со старлеем меня на смех подняли. Умники. И кто прав оказался?– старшина сплюнул набежавшую слюну и протер рукавом запыленное лицо.

– Хана взлетной полосе,– крикнул сержант,– Эй, Сафрон, Илья, живы? Сюда ползите.– Появившийся через минуту рядовой Сафронов, пристроился слева от старшины и сообщил:

– Итрита убило бомбой, товарищ старшина. Голову напроць осколком снесло, вот... – протянул он окровавленную ладонь, сунув ее в лицо старшине и тот невольно отпрянув, не удержался и обложил его семиэтажным матюгом:

– Что "вот", мать твою?

– Книжка евоная красноармейская, я из кармана у него взял, – продолжал совать в лицо окровавленную ладонь Сафронов и старшина разглядел, что указательным и большим пальцем он действительно сжимает документ.

– И нахрена он мне вот прямо здесь и сейчас? – сверкнул глазами старшина, книжку красноармейскую все же выдерживая из трясущейся руки рядового и заворачивая ее окровавленную в лист лопуха. А над головой ревели авиационные двигатели в смертельной карусели. И казалось, конца этому не будет никогда. А затем рвануло так близко, что старшине показалось, что земля под ним сдвинулась вместе с сосной метров на десять, никак не меньше, и при этом грунтом сверху присыпало так, что он даже испугался, что заживо похоронило, приподнимаясь на колени. Рядом барахтался кто-то из бойцов.

– Ни хрена себе, рвануло, – прохрипел старшина и не услышал своего голоса. В ушах звенело, а глаза ничего не видели за слезной пеленой. Протерев их ладонями и проморгавшись, старшина даже охнул, от увиденного. Сосну, под которой они лежали, буквально вывернуло из земли. И она рухнула, накрыв их своими ветками.

– "Каб не она, тут бы нам и крышка", – подумалось машинально. Рядом из земляных завалов и веток выползал рядовой Сафронов, что-то шлепая губами на грязном и потном лице, плюясь кровью.

– Ранен что ли? – крикнул ему в вытаращенные глаза старшина. – Где Черпак? – звон в ушах стихал и голос он свой слышал как сквозь вату. И через нее же слышал.

– Деревом по хребту. Аж язык прикусил и звезды увидел. А Черпак, хрен его знает где. Черпа-а-а-а-к!!! – тут же заревел медведем Сафронов прямо в ухо старшине и тот отшатнулся от него, но ничего не сказал, оглядываясь по сторонам. Взгляд наткнулся на кирзовые сапоги, торчащие из-под сосны в трех метрах от него. И старшина переместившись, принялся разгребать завал из веток и грунта.

– Помогай, – скомандовал он рядовому Сафронову и в четыре руки они быстро откопали придавленного к земле сержанта, не подававшего признаков жизни. Однако ствол рухнувший, к земле прижимался не плотно и надежда еще оставалась, что пребывает в беспамятстве, получив контузию.

– Приподними дерево – я попробую вытащить, – скомандовал старшина и Сафронов запыхтел, упираясь в ствол плечами. Дерево шевельнулось и старшина выволок из-под него сержанта. Черпак был жив и дышал сквозь стиснутые зубы с клекотом и кровавыми пузырями.

– Жив курилка, – обрадовался рядовой Сафронов и слышал сиплое:

– Не дожدهсья.

– Ага. И слышит, и хамло. Значит, порядок. Где болит, Черпачок?

– Спроси, где не болит,— простонал тот в ответ и зашелся в кашле, отплеываясь от земли и крови.

– Бомбить вроде перестали,— сообщил Сафронов, вытягивая шею и прислушиваясь,— Похоже, что нам они прощальную швырнули суки.

– Вот тебе и дембельнулись,— прохрипел сержант,— Больно-то как, мать моя женщина. Товарищ старшина, гляньте у меня все руки, ноги на своих местах или как?

– Вроде все в наличии и даже крови особенно не вижу чтобы,— осмотрел его старшина.

– А болят, будто поотрывало их все нахрен,— посетовал сержант.

– Пришибло тебя о сосну. Лицо поцарапало, а так ничего вроде,— принялся ощупывать его рядовой Сафронов.— Я вон тоже язык прикусил и по хребту прилетело, аж звезды увидел. Огромные такие. Водички хочешь, Черпачок?— сунул он флягу сержанту и тот, скривившись от боли, протянул руку.

– Давай ато во рту, как кот нагадил. И сесть помоги,— рядовой Сафронов засуетился вокруг него, помогая сесть и привалиться к сосновой ветке, удачно торчащей и не совсем голой.

– Вот так обопрись и хлебай водицу,— Сафронов отвинтил

пробку у фляги и сержант жадно присосался к горлышку, а когда оторвался перевести дух, то заявил голосом уже вполне бодрым:

– Хрен вот им, а не мой трупешник. Я еще повоюю и припомню сволочам эту бомбежку. Фраера вонючие. Дембель обгадили, день воскресный тоже и Илюху убили. Скоты.

Как выяснилось позже, оставшиеся в живых, отделались испугом и легкими контузиями. Больше всех пострадал сержант. Левая рука у него висела плетью, явно с переломом в предплечье, но припухла не сильно в месте ушиба и, старшина заверил его, накладывая шину и подвязывая ее ему на шею бинтом, стараясь произносить слова как можно оптимистичнее:

– Трещина видать, но это на пару недель. В санбат бы тебя или в госпиталь. Там рентген бы сделали и, тогда понятно стало бы чего. Но я и так могу сказать, что ничего страшного и смертельного. Открытый если бы перелом, тогда караул, а так... Походишь с дощечкой неделю, другую и заживет, Яш, зуб даю.

– Зуб – это авторитетно. Верю, – поморщился Черпак, – Главное, что котелок цел. Всего пару шишек и уже не кружится. Ох, хряпнуло. Ну, думаю...

– Ты еще подумать чего-то успел? – удивился старшина.

– А как же. Чувствую, тянут за ноги. Ну, думаю, ноги значит на месте. А в ушах звенит. Вот почему так?

– А ты как хотел? Чтобы барыню наяживали? – влез с ре-

пликой рядовой Сафронов.

— Начинается,— констатировал старшина,— Вы, наверное, и на том свете если встретитесь, то друг друга станете шпынять.

— А че, есть он тот свет?— тут же проявил живой интерес сержант,— А вот комиссар говорил, что все это выдумки поповские. Я специально его про это на политинформации спросил. Авторитетно заявил комиссар, что нету после смерти ничего и, даже партбилетом клялся.

— Да пошел он нахрен со своим партбилетом, его бы сюда под сосенку сунуть и сразу бы молитвы все вспомнил, которые ему, наверняка, в детстве бабка скалкой вбивала. А про партбилет свой комиссарский и думать бы забыл,— проворчал старшина, у которого на шее крест алюминиевый на шнурке имелся и молитву он "Отче наш" зачитал за день сегодняшний уже не один раз.

— А я и не знал, что вы верующий, товарищ старшина. Думал, что партийный,— признался рядовой Сафронов.

— Конституцией нашей не запрещено веровать. Свобода совести у нас в стране Советов,— напомнил ему старшина,— Ладно, хватит пустословить. Пошли, глянем, что там на аэродроме. Может, жив кто остался из служивых. Помощь, может, требуется и вообще, ясность нужна. Может, связь есть. Не сидеть же здесь сиднями. С кем война, вот что узнать нужно. Самолеты, конечно, с крестами фашистскими, но может, это финны опять напали, а немчура с ними в до-

говоре нынче, вот и пособили с воздуха гниды.

— А с Илюхой как?— напомнил сержант,— Похоронить бы надо мужика. Голову найти и все такое, чтобы без обид на том свете. Коль уж вам, товарищ старшина, верить. Чтобы претензий не предъявил. Обидится ведь. Коль так вот оставим.

— Вернемся и похороним. А пока о живых думать нужно. Хотя...— Старшина взглянул на рядового Сафронова оценивающе,— Прав ты, Яков, обидится еще раб Божий Илья. Оставайся-ка, Степан, и похорони его честь по чести. Крест сооруди из подручных средств и фанерину, какую-никакую, прицепи с его фамилией. Нака вот карандаш химический. Выполнять.

— Есть,— уныло козырнул рядовой и направился к тому месту, где совсем недавно стояла их палатка, а теперь дымилась воронка.

— Так, а у нас же с Гитлером тоже пакт есть о ненападении,— вспомнил сержант.

— Грамотный, газеты читаешь?— хмыкнул старшина,— пакт этот — насмешка одна. Действует, пока не напали. А Гитлер придурком оказался. И какого рожна с таким о чем-то договариваться? Вон майор расписал мне все от и до. Что, дескать, до ноябрьских мы их Вермахт нашими танками по всей Европе раскатаем и поэтому Гитлер не нападет. Однако напал сученыш. Главное дело, в аккурат в это воскресенье, сволочь. Эх, неделкой бы позже.

– Это да. Не повезло,— поддакнул сержант.

– Ну, тебе-то по любому, по увечью, на излечение отправляться в тыл, а вот нам с Сафроновым теперь только после ноябрьских дембель корячится. Если майор не ошибся в расчетах своих.

Бомбардировщики вражьи пробомбились, так качественно, что увидев последствия, оба и старшина, и сержант, не сговариваясь, охнули:

– Ох, ни хрена ж себе, места нет живого. Воронка на воронке. Вся месячная работа коту под хвост. Ты, Яш, давай к караульным палаткам, а я к штабному. Вроде как не попали в него, стоит цел,— распорядился старшина.

– Ох, ни хрена себе... Есть к караульным. Только, что-то не видать никого. А лес, товарищ старшина, горит со всех сторон. Видать боеприпасы сдетонировавшие разбросало,— отозвался подавленным голосом сержант.

– Вот и шевелись, пока не разгорелось. Тащи всех, кого живых найдешь, к штабу,— уточнил задачу Черпаку старшина, оглядываясь по сторонам и убеждаясь, что Яшка прав. Лес горел со всех сторон. Легкий ветерок размазывал клубы дыма и он уже заполнял окрестности, перепаханые бомбами. Заглянув в штаб и убедившись, что людей в нем нет, старшина обежал вокруг строения и наткнулся на два первых трупа, опознав писаря-ефрейтора и старшего лейтенанта Свиридова. Забрав у погибших документы, а у старшего лейтенанта портупею с кобурой и пистолетом ТТ в нем, старши-

на еще раз обошел вокруг штабного домика, описав круг шире и наткнулся на тело начфина. Рядом со штабом бомб упало не более десятка и, в одной из воронок он и оказался. То, что майор мертв было ясно с первого взгляда. Умер, однако, он не сразу и в воронку свалился, перемещаясь ползком. Старшина поморщился, проследив взглядом весь путь его от домика, где очевидно майор и получил осколочные ранения. Умирая, он полз, оставляя за собой кровавый след. Обмундирование начфин полностью одеть не успел и был бос, и в галифе. Видимо взрывы подняли его на ноги и успел он натянуть только их, а потом рвануло так близко, что майор и одеваться не стал, выскочил.

— Эх, майор,— пробормотал старшина, отворачивая лицо, чтобы не видеть вспоротую брюшину трупа с выползшими из нее внутренностями и уже ползающими по ним мухами. Приковылявший минуту спустя сержант Черпак, доложил:

— Живых нет. Всех накрыло. Вот, автомат нашел целый вроде бы и винтовку. Что делать будем, товарищ старшина?

— Похороним майора со старлеем и ефрейтором, и в часть. Что там с полуторкой?

— Сгорела к чертям собачьим. Рядом же со складом стояла,— виноватым голосом сообщил Черпак.

— Пешкодралом, значит, пойдем. Заскочим к Авдеичу на заимку, тут лесом версты три, может на телеге подбросит. Тела в одну воронку вот в эту стаскиваем, в ней и похороним,— принял решение старшина и следующие полчаса они с

сержантом, превратившись в похоронную команду, занимались погребением погибших.

– Товарищ старшина, а как быть с личными вещами убитых? Вот у ефрейтора в кармане деньги и у старшего лейтенанта кошель тоже с деньгами. Жалование получили видать, – спросил Черпак.

– Мертвым они без надобности, а нам еще жить. Давай сюда. Часы вон еще у старлея командирские, можешь снять, пригодятся. Зарывай, а я в штаб – соберу барахло майорова. В галифе одном выскочил Константинович. Давай, давай, шевелись, – подбодрил сержанта старшина, сунув ему в здоровую руку саперную лопатку.

Барахла у майора оказалось неожиданно много, кроме хромовых сапог и гимнастерки, которые он не успел натянуть, старшина обнаружил еще и чемодан с личными вещами под кроватью майорской, а заглянув в нескороаемый ящик, нашел там деньги так и не выданные работягам накануне, планшет и печать со штемпельной подушкой. Пустые мешки – два солдатских сидора, валялись рядом и старшина, не мудрствуя лукаво, упаковал в один из них содержимое ящика. Вполне хватило одного, но под завязку битком. Во второй сидор старшина сунул сапоги с гимнастеркой и портупею, а сверху забил его всякой мелочью из майорского чемодана. Порадовал его покойный двумя десятками пачек папирос "Казбек", которые и сам на людях не курил, предпочитая дымить "Беломором": – Видать к отпуску готовился Констан-

тинович,— вслух подумал старшина, швыряя в мешок десяток коробок спичек, опасную бритву в кожаном футляре и полотенце вафельное первой категории, т.е. не использованное пока никем.

Оглядев еще раз помещение, старшина заметил стоящий в углу сидор и подумав, что это имущество наверняка покойного ефрейтора, проверил и его. При этом даже присвистнул удивленно, обнаружив в нем десяток банок тушенки и завернутые в портяночную фланель три бутылки водки,— Нет, это не писаря — это майорский мешок,— пришел к выводу старшина,— А ефрейторские где шмотки?— спросил он сам себя, оглядываясь,— В тумбочке пади,— предположил старшина и проверил немедленно тумбочку. В ней он обнаружил средства личной гигиены ефрейтора, а из ценностей только ложку деревянную, расписанную под Хохлому, бритвенный станок с алюминиевой кружкой и помазком, а также пару чистых тетрадей в линейку и десяток карандашей с надписью на них "Тактика". Хозяйственно прибрал все в третий мешок, старшина окинул на прощанье помещение и помянул нечистого, заметив торчащую из-под подушки рукоять пистолета. Майор, очевидно, сунул его туда, укладываясь на ночь, а вскочив, забыл о нем напрочь.

Перевернув на всякий случай постель и, сбросив матрац на пол, старшина похвалил себя мысленно, увидев в углу самом дельном, под панцирной сеткой, десяток бутылок с засургученными горлышками.

– Это видать НЗ начфиновская, вон как запылиться успели,— сделал вывод старшина, добравшись до бутылок и рассовывая их по мешкам.

– "Нехорошее число... тринадцать бутылок",— пришла в голову ему нелепая мысль и сплюнув через левое плечо, вспомнил, что еще одна поллитровка у них оставалась перед бомбежкой,— "Хрен она уцелела в таком кипише",— подумал старшина и поймал себя на сожалении,— "Тут людей побило, а я бутылки подсчитываю..."— попенял он сам себе и вышел, обвешанный мешками из штаба вон, пинком распахнув дверь.

Глава 3

Сержант могилку соорудил вполне приличную и даже фанерину где-то подобрав, присев на пенек, старательно мусолил химический карандаш, выводя на ней фамилии похороненных майора, старлея и ефрейтора.

– Глянь, старшина, какая фамилия чудная у писаря,– продемонстрировал он написанное,– Дедобабов. Первый раз такую встречаю.

– Какие твои годы, сержант,– обнадежил его старшина,– Заканчивай писанину. Звезду нарисуй и пошли к Сафронову.

– Может написать чего-нибудь про покойников?– спросил Черпак,– что героически, мол, пали в борьбе или еще чего?

– Так сойдет. Им уже все равно. Нарисовал звезду? Пошли. Вот этот рюкзак прихвати,– старшина лязгнул сидором и сержант заинтересованно обшупав его, попробовал угадать содержимое:

– Пожрать и выпить?

– Шагом марш,– проигнорировал вопрос старшина,– огонь вон уже до небес,– пожар лесной действительно охватил штабной домик со всех сторон и, дымом заволокло местность так, что уже проблемно стало дышать.– Бегом!– рявкнул старшина, и будто услышав его заполошную команду на крышу домика рухнула горящая сосна. Подняв сноп искр,

ствол проломил ее символическую и домик будто присел, затрещав досками. А старшина с сержантом уже мчались с максимальной скоростью через перепаханную бомбами бывшую взлетную полосу аэродрома подскока, перепрыгивая и обегая воронки, в сторону живого рядового Сафронова и мертвого рядового Илюхина. Там лес пока еще не занялся, но они понимали, что это вопрос времени. Пожар тушить некому и разрастется он во все стороны непременно.

Рядового Сафронова они застали за погребальными работами и не одного. Помогал ему рыть могилу и захоранивать рядового Илюхина конопатый сибиряк.

– Жив тезка,– искренне обрадовался ему старшина.

– А че... Не моя смена была. Бодрствующая, когда все рваться началось,– улыбнулся Иванов в ответ,– винтарь подхватил и из палатки. А тут как даст по шарам. Очухался – кругом воронки одни и весь взвод в куски. А потом и склад громыхнул... и опять по мозгу прилетело чей-то. Когда очнулся снова, горит все. Ну, я сюда, где пока не шибко. Гляжу ваши тут. Можно, я при вас теперь, товарищ старшина?– доложил рядовой.

– Оставайся. Винтарь потерял?– поинтересовался старшина, освобождаясь от мешков.

– Никак нет. Обижаете, товарищ старшина. Как можно? Все как положено по уставу на своем месте. Скатка, снаряга с противогазом и сидор вона с винтарем,– Иванов кивнул на аккуратно сложенное имущество и взглянув из-под ладони

на утреннее солнце, посетовал:

– Завтракать пора, а от кухни нашей три ямы здоровенных дымятся. Чей-то это, товарищ старшина, с кем воюем?

– С фашистами немецкими, судя по всему. И, наверное, опять с белофиннами, тезка. Я ведь не больше твоего знаю,— ответил старшина,— А чего это вы могилу роете полноценную? За каким хреном? Использовали бы воронку,— задал он встречный вопрос и получил в ответ недоуменное пожимание плечами сибиряка и обстоятельное пояснение от рядового Сафронова:

– Так, Павлович, вроде бы как не по-людски так-то, в ямке из-под бомбы. Человек ведь, не собака бродячая Илья-то наш был. Хороший мужик, помянуть бы. Жаль нечем.

– А бутылка же еще оставалась. Не нашел?— напомнил ему сержант

– Размечтался,— взглянул на него уныло Сафронов,— бомба вон, прямо в костер упала. Хрен там чего найдешь.

– Есть у меня, чем помянуть Илью,— обрадовал бойцов старшина,— В штабе надыбал запасы майорские. Но не сейчас. Закругляйтесь и к Авдеичу. Там и помянем.

– А насчет пожрать ничего там, в запасах не надыбали, товарищ старшина?— повеселевшим голосом осведомился рядовой Сафронов.

– Только тушенка, более ничего,— признался старшина.

– Нормально,— расцвел в улыбке дурашливой Сафронов,— хлебом у Авдеича разживемся. Все, Алеха, глубже не надо.

Сойдет. Эх, Илюха. Кто-то и нам вот так в свое время отковыряет могилку.

– Я не спешу,– влез с репликой Черпак.

– Смерть не спросит,– взглянул на него ехидно Сафонов,– спешишь ты, аль нет.

– Это да,– впервые за прошедший месяц согласился с ним сержант и принялся помогать Иванову упаковывать тело Илюхина в плащ палатку. Опустили в могилу, насыпали холмик и, воткнув в него корявый крест из двух веток, постояли молча над ним, думая каждый о своем.

– Вдова и трое сирот,– произнес тихо старшина,– земля тебе пухом, Илья. Обещаюсь, что проведу твоих и помогу, чем смогу.

– С Васильевского он,– напомнил сержант.

– Есть у меня адрес. У начфина тоже семья на Васькином острове проживает, как оказалось,– вздохнул старшина тяжело,– к ним тоже заглянуть придется.

– А ефрейтор Дедобабов откуда?– спросил сержант.

– Этот из Украины призывался. Сдам красноармейскую книжку в строевую часть, пусть сообщают.

– А мой взвод...– сибиряк закашлялся и принялся вертеть сигарку,– про них кто доложит?

– Я только со старлеем был знаком и документы его у меня есть, а про остальных ничего не знаю,– развел руками сожалеюще старшина,– ты-то всех должен знать, вот и составь список. А что мы еще можем? Вон, там все горит, как в пре-

исподней. Уходить надо. Сюда огонь гонит. Там вон речушка есть. За нее перескочим и к Авдеичу, как раз в ту сторону. Там и дорога лесная есть, им наезженная. Он хоть и живет бирюк-бирюком, но в колхозе вроде как числится. Типа пушного хозяйства у него,— пояснил он,— был я у него один раз. Посидели слегка. Самогонку его жинка Наталья варит ядреную. И, главное дело, на другой день почти без похмеля. Слегка потряхивало,— вспомнил старшина.

— Самогон — это хорошо,— тут же отреагировал рядовой Сафронов,— Мы, ежели что, то люди не гордые. Не фон бароны, нам и сивуха годится.

— Закати губищу, Сафрон,— не удержался от реплики сержант.— Какая сивуха? Вон чего творится,— мотнул он головой в сторону горящего леса. С кем воюем? Где Красная армия? Глянь-ка, опять летят суки,— над головами действительно с северо-запада опять зависли в синеве вражеские эскадрильи. До ушей донесся гул двигателей.

— А наши где? Почему не атакуют на подлете гадов?— приложил ладонь козырьком ко лбу рядовой Сафронов.

— На максимальной высоте сволочи идут. Ленинград никак бомбить собрались,— предположил старшина.

— Ну, там-то их встретят, мало не покажется,— уверенно заявил сержант.

— Все уходим. Рядовой Иванов, мешок вот этот прихвати. За мной, в колонну по одному шагом марш,— прервал дискуссию старшина.

Хозяина заимки лесной, а по совместительству и пушной фермы, повезло застать дома. Авдеич запрягал лошадь в телегу и обрадовался искренне появившимся на его подворье служивым, цикнув на выскочивших с лаем навстречу гостям неожиданным двух дворняг.

– Цыц, свои. Что тама за грохот у вас и навроде как горит лес-то?– забыв даже сказать "здрате", задал он им вопрос обеспокоенно.

– Разбомбили аэродром на рассвете, Авдеич,– ответил ему старшина, протягивая ладонь для рукопожатия.

– И кто? Опять энти?– вытаращился на него тот.

– А хрен их знает, энти или наоборот те. Кресты на фюзеляжах я видел. Свастики фашистские. Так что, Авдеич, навроде как с Германией Гитлеровской война.

– Вот беда-то. В правление ехать надо и все там распознать,– засуетился Авдеич,– Мать!– крикнул он в сторону дома и на крыльцо выскочила немедленно его супруга Наталья, приветливо улыбнувшаяся гостям.

– Ты, мать, мужиков покорми-ка, чем Бог послал, оголодали чай, а мне в правление срочно надоть. Война, мать, опять,– сообщил он ей новость.

– Ох, лихо-о,– отреагировала Наталья, всплеснув руками,– а мы с утра гадаем, чегось-то гремит. И с кем опять? С финнами?

– С немцем. Давай, давай, накрывай на стол и вон у сержанта руку осмотри. Вишь побитые все. Помог-ка,– озада-

чил супругу дополнительно Авдеич, прыгая в телегу и понукая лошадь.

— Ой, да проходите в избу, робяты,— приступила к выполнению команды мужниной Наталья, сорвавшись с места и ринувшись в избу.

Вернулся Авдеич в третьем часу после полудня и не распрягая лошадь, сообщил сидящим и перекуривающим на заваленке красноармейцам:

— Верно Павлович баял. Война с Германией. Бомбит немец наши города. Киев, Минск и другие. Сообщили по радио, что вероломно, без объявления войны, дескать, напал Гитлер. Фашисты, че с них взять.

— А финны? Тоже напали вероломно?— уточнил старшина.

— Про этих я не понял. Про Германию все понятно, а про этих... Так ведь мы у них эвон сколько территорий в зимнюю-то компанию отгрызли,.. обидно им чай. И коль немец попер так и эти непременно влезут, думаю,— высказал Авдеич свое мнение, закуривая предложенную старшиной папиросу.— Курево, смотрю, у тебя наркомовское.

— От майора покойного остались,— кивнул старшина.

— Много народу-то побил?— задал дежурный вопрос Авдеич.

— Всех. Кто выжил, все тут,— коротко ответил старшина, окинув взглядом, примолкших рядом красноармейцев.

— И теперича куда вы?— с сочувствием произнес Авдеич.

— В часть нужно идти. Подвезешь ежели до сельсовета, то

спасибо скажем, а там еще пару десятков верст как-нибудь сами дочапаем,— старшина вздохнул и, развязав сидор достал две бутылки засургученные:

— Помянем, Авдеич, погибших солдатиков?

— Натаха, тащи живенько сюда чего нито на зуб и посудины,— сориентировался мигом хозяин заимки, принимая от старшины бутылку и сворачивая сургуч,— магазина,— с уважением констатировал он,— ну, чего ты там едрена вошь? Аль оглохла на старости лет,— крикнул он снова, приподнимаясь и прилипая к оконцу лбом.

— Иду-у,— донеслось в ответ и появившаяся хозяйка с табуреткой в руках, мигом накрыла ее вышитым полотенцем, расставив на импровизированном столике нехитрую закуску и посуду.

— За безвременно усопших рабов Божьих,— произнес Авдеич и выпив свои сто грамм поминальных, сосредоточился на папиресе, заскворчав ей так яростно, что хватило ее ему на пару, другую затяжек. Притоптав гильзу от папиросы, он молча свернул сигарку и раскурив ее, буркнул,— баловство одно, папироски энти. Для барышень видать придуманы.

— Зато вертеть не надо,— возразил ему сержант Черпак,— сунул в зубы и дыми себе.

— А нам не к спеху. Мы тут живем постепенно,— возразил Авдеич,— Кто суетится, тот и живет недолго, потому как время у него бежит.

— Это вы, батя, верно подметили,— поддакнул ему сибир-

ряк Иванов.— Я тоже приметил, как суетиться начнешь, так время фьют, а вот когда, к примеру, стоишь себе на посту и никуда сломя голову бежать не требуется, то оно и тянется, и тянется... зараза. Два часа, как все четыре длиной. Вот почему так-то?

— Это у тебя, Леха, от мыслей смурных,— высказал свою версию рядовой Сафронов,— по мамке пади своей соскучился, вот и стоишь в тоске по ней эти два часа, потому и долгими кажутся. А когда, к примеру, тебя взводный на стрельбище ползать заставляет с винтарем и в противогазе, то думать о постороннем некогда, вот время и летит.

— Не-е, когда с винтарем и в противогазе, то время еще медленнее идет чем на посту,— не согласился с ним сибиряк,— вот как так, Авдеич?

— Про противогаз не знаю. В мою бытность, такой херни еще служивым не выдавали,— попробовал отнекаться хозяин заимки, но сибиряк оказался настырным и отвязаться ему от него, так просто не удалось.

— А на посту? Стоять приходилось?

— А как нето. Только я, братцы, еще при царе батюшке лямку тянул. При его гнилом царизме и списан был по ранению в запас почитай в третий месяц октябрь, как только энта Империалистическая Мировая случилась. Тогдашние германцы, через Кайзера ихнего, нам честь по чести войну объявили, а мы вокурат под Нарвой стояли, ну и пока наших мужиков отмобилизовывали по державе, первыми с ними и

схлестнулись,— вспомнил Авдеич былые времена.

— Так вы, батя, выходит ветеран Империалистической войны,— разинул рот сибиряк.

— А кудаś от факта энтото теперь?— махнул рукой Авдеич.

— И в каком роде войск служили?

— В царице полей — пехоте матушке, но в разведроте полковой. Ох, лихой у нас взводный был подпоручик. Бывало как врежет по сусалам, ежели к примеру уснешь на посту. Сурьезный был мужик, но справедливый. Перед начальством не егозил и за своих солдатиков, за нас стало быть, мог кому хошь фитиль вставить. Уважали в общем его у нас в роте.

— А ранение куда получили?— встрял в разговор и сержант по праву увечного, а стало быть битого военной судьбой, так же как Авдеич.

— А всего порвало в клочья. Возвращались с языком и под обстрел попали. Немец осерчал и крыл, снарядов не жалеючи. Мы целого полковника — оберста по ихнему, из вылазки-то перли. Ох, здоровый бугай, да-а. Ну, и немчура видать не желала чтоб мы его дотащили живого к себе-то. Вот и крыли из всех калибров,— Авдеич, затянулся дымом и при-молк, вспоминая видать тот день.

— И че?— не утерпел сибиряк,— Доперли оберста?

— Доперли,— взглянул на торопыгу, усмехнувшись Авдеич,— побитые все, но борова целехоньким доставили. К Егорию всех за него начальство представило. Ну, а меня в гос-

питаль сперва, а потом уж и в отставку. Год почитай отвалился по госпиталям-то.

– И вам Георгиевский крест выдали?– распахнул опять рот сибиряк.

– И мне,– кивнул Авдеич,– гдетось в сундуках Натаха прибрала.

– А в гражданскую воевать пришлось, аль по инвалидности воздержались?– прицепился репьем рядовой Иванов.

– В Гражданскую? Нет. В гражданскую, я в Финляндии с семьей оказался. А в ей, все как-то обошлось по-быстро-му, без войны этой особенно. Месяца три на Красных и Белых делились. А потом Белые Красным как-то сразу салазки загнули и началась жизнь мирная. Не то, что в России. Мы ведь, сынок, советские граждане с Натальей моей без году неделя. Тут ведь до 39-го финская территория была. Вот с этого года мы и присоединились к СССР-у. Колхоз тут сразу образовался, ну и вступили в него, стало быть. Так что Гражданская война мимо меня прогремела,– огорошил всех Авдеич, так что и сказать никто несколько минут ничего не мог.

– Вон оно как,– протянул разочарованно рядовой Иванов,– будто у сказки ему обещанной, волшебной, конец оказался негодящий.

– А что так с тоской-то?– опять усмехнулся Авдеич,– Не оправдал ожиданий? Предполагал, что я и в Гражданской орденов несчетно нахватал? Эх, паря, война, будь она нелад-

на, мне за те неполных три месяца в 14-ом, во как оскомину набила. А ежели все железо, что из меня потом в госпитале врачи выковыряли, взвесить, то вот на всю вашу компанию пади хватило бы с лихвой. И потом, у меня ведь семья, детишки, мал, мала, меньше, так что их требовалось взрастить и в люди вывести. Так что я и не жалею, что не воевал, а работал в ту пору, хоть и в Финляндии. Везде люди, паря. А простым трудящим все эти войны и даром не нать. Жить бы да детишек растить.

— Это да,— согласился с ним сибиряк, но голосом все же с нотками разочарования.

— Это ты по молодости, паря, о геройстве мечтаешь, пока страстями живешь, а повзрослеешь и поймешь, что самое геройское геройство — жизнь прожить обыкновенно изо дня в день и не опаскудиться. А что кресты да ордена, они ведь совесть не заменят. Каб могли. Мечтаешь, пади об орденах?— прицепился теперь Авдеич к сибиряку. И тот заерзал на завалинке.

— А че бы и нет?— вскинул он глаза синие на него,— Домой на побывку с орденом в самый бы раз. Все бы девки моими стали, подкатывай к любой.

— Вот только что разве... Хочешь своего Егория дам для девок-то?— не удержался, подковырнул сибиряка Авдеич.

— Эх, батя, девки-то нынче тоже все поголовно грамотные и советские-то ордена от старорежимных всяко отличат. Так что спасибо, носите сами свой крест, для тетки Натальи. Вон

она у вас какая шустрая, будто девка на выданье,— не остался в долгу сибиряк.

— Ишь ты каков язви тя в душу,— изумился Авдеич.— Да тебе палец в рот не клади, враз отгрызешь. Откуда сам-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.